

М.Г. Руднев

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»;
Институт социологии
РАН,

В.С. Магун

Институт социологии
РАН; Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ДИНАМИКА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ПОСТ- СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ В СРАВНЕНИИ СО СТРАНАМИ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ¹

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в европейских социалистических странах произошли фундаментальные политические, экономические и культурные изменения, которые нашли свое выражение в существенных ценностных сдвигах в массовом сознании [Inglehart, Baker, 2000; Halman, Arts, 2010].

Цель данной статьи — продемонстрировать межпоколенные изменения базовых ценностей в постсоциалистических странах, связанные с изменениями условий, в которых происходит социализация разных поколений. Межпоколенные ценностные сдвиги фиксировались и в предшествующих исследованиях, начиная с известной работы Р. Инглхарта о «тихой революции в Европе» [Inglehart, 1971; Alwin, 1990]. Одно из отличий данной работы состоит в том, что она основана на доказавшей свою надежность методике Ш. Шварца, с помощью которой будут рассмотрены ценностные изменения по широкому кругу показателей [Schwartz, 1992]. Отличие также в том, что мы предлагаем способ отделить межпоколенные различия от различий, вызванных влиянием жизненного пути.

Мы полагаем, что основные изменения в условиях социализации, ответственные за ценностные сдвиги в постсоциалистических странах, состоят в следующем. Во-первых, за счет ослабления зависимости от внешних предписаний и ресурсов расширилась индивидуальная свобода и возможности человека. Во-вторых, с развитием конкуренции и рыночной экономики и вследствие отказа от тоталитарной идеологии произошла легитимация личного интереса и ослабление легитимности интересов «общественных».

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

В-третьих, из-за экономического спада 1990-х годов фокус внимания людей переместился на проблемы личного выживания — в ущерб заботе о благополучии окружающих (сдвиг, обратный постматериалистическому сдвигу, зафиксированному Р. Инглхартом в Европе в 1960–1970-е годы).

Наша основная гипотеза состоит в том, что ценностные изменения выражаются в усилении у молодых поколений, выросших после распада социалистических режимов, в сравнении с их сверстниками из западно- и североευропейских стран, приверженности индивидуалистическим ценностям и ослаблении приверженности социально ориентированным ценностям.

Методология и данные

Данное предположение прямо проверить трудно, поскольку в идеале для такой проверки нужно было бы сравнить базовые ценности разных поколений жителей (пост)социалистической страны, находящихся в одном и том же возрасте, но опрошенных в разные моменты ее развития. Данными, измеряющими базовые ценности в разные временные периоды, мы, к сожалению, не располагаем, но можем использовать информацию о различиях между ценностями респондентов разных возрастов. Возрастные различия, как известно, отражают две группы влияний — эффекты жизненного пути (т.е. изменение ценностей в ходе индивидуального развития каждого отдельного человека) и эффекты поколения (т.е. изменение ценностей в силу различий в социальных и других воздействиях, которым подвергаются разные поколения).

Чтобы разделить эти два типа эффектов и вычленить собственно поколенческие сдвиги, мы предложили обходной путь, который основан на сравнении возрастных различий ценностей у людей, живущих в разных странах [Магун, Руднев, 2010, 2012]. Этот метод базируется на допущении о том, что в разных странах влияние жизненного пути на базовые ценности является приблизительно одинаковым, и потому при сравнении *возрастных различий* между ценностями в стране А и в стране Б это влияние как бы выносится за скобки. В таком случае сравнение возрастных различий в этих двух странах оказывается на самом деле сравнением межпоколенных ценностных изменений.

Ограничение данного метода связано с тем, что он дает информацию только о *сравнительных* поколенческих изменениях в разных странах, и без дополнительных сведений трудно определить, какой вклад вносят процессы в каждой из сопоставляемых стран в эти сравнительные эффекты.

Наиболее ярким олицетворением культурных сдвигов, повлиявших на ныне живущие поколения, в продвинутых европейских странах стала революция 1968 г., а в постсоциалистических странах — революции конца 1980-х — начала 1990-х годов [Horn, Kenney, 2004]. В силу того, что в постсоциалистических странах культурные изменения произошли позже, число ныне живущих людей, которых затронули эти изменения, там больше. Значит, при обнаружении межпоколенных сдвигов в постсоциалистических странах, в сравнении с продвинутыми капиталистическими, мы действительно имеем основания приписать хотя бы часть этих сдвигов процессам, происходившим именно в постсоциалистических странах. (В пределе, если бы ценности в западно- и североевропейских странах были полностью неподвижны и межпоколенные сдвиги были бы там равны нулю, то все обнаруженные результаты объяснились бы только межпоколенной динамикой в постсоциалистических странах).

Данные рассуждения иллюстрирует рис. 1.

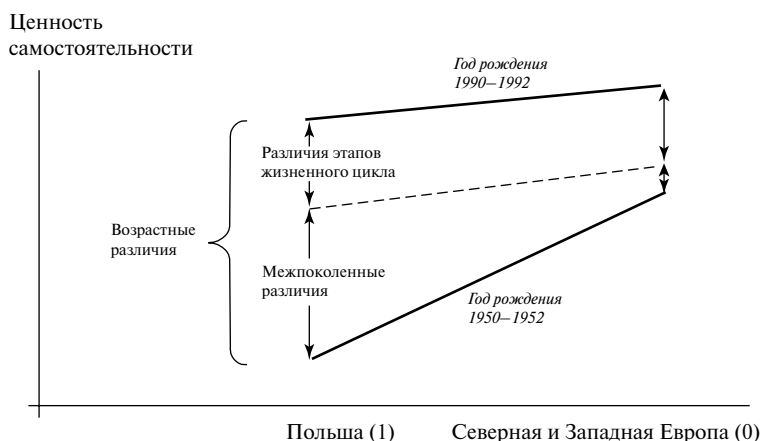

Рис. 1. Схематическое представление логики определения различий между межстрановыми сравнительными значениями ценностей у разных поколений

Ш. Шварц определяет базовые человеческие ценности как «желаемые кросситуативные цели, которые служат руководящими принципами в жизни человека» [Schwartz, 1994, р. 21]. Согласно разработанной им теории, имеется 10 базовых ценностей (он называет их ценностными типами), которые различаются целями, на реализацию которых они направлены. Эти 10 ценностей составляют устойчивую структуру, например, ценности само-

стоятельности, риска-новизны и гедонизма похожи тем, что все они выражают открытость индивида изменениям, а противостоящие им ценности — безопасность, традиция и конформность, — наоборот, сконцентрированы на сохранении статус-кво. Благодаря взаимосвязям между отдельными ценностями их можно объединить в четыре индекса более высокого уровня (мы называем их ценностными категориями): открытость изменениям (включает ценности гедонизма, риска-новизны, самостоятельности), сохранение (традиция, конформность, безопасность), самоутверждение (власть-богатство и достижение) и забота о людях и природе (универсализм и благожелательность). Ценности открытости изменениям и сохранения, как и пара самоутверждение — забота о людях и природе, находятся в конфликтных отношениях [Schwartz, 1992].

Исследование основано на данных 4-й и 5-й волн Европейского социального исследования (European Social Survey), проведенных в 2008–2010 гг. [Jowell et al., 2007]². Использовались данные по шести постсоциалистическим европейским странам (Венгрия, Восточная Германия, Польша, Россия, Чехия, Эстония) и семи продвинутым странам Западной и Северной Европы (Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швеция, Швейцария). Базовые ценности измерялись с помощью Портретного ценностного вопросника Ш. Шварца [Schwartz et al., 2001]. Каждая из 10 ценностей в этом вопроснике измеряется с помощью двух (ценность универсализма — с помощью трех) индикаторов, которые фиксируют разные аспекты данной ценности. Хотя различные аспекты одной и той же ценности взаимосвязаны, их межпоколенная динамика может различаться. Поэтому в ходе анализа рассматриваются как ценностные индексы, так и отдельные их составляющие, которые фактически представляют собой ценности более низкого уровня интеграции.

Для оценки межпоколенной динамики ценностей в постсоциалистических странах мы в данном исследовании использовали многоуровневый регрессионный анализ [Нох, 2010]. Зависимыми переменными были индивидуальные ценности. Обратим внимание, что вторым уровнем, или группирующей переменной, выступали возрастные когорты — 30 групп, основанных на годе рождения респондентов. Независимой переменной второго уровня выступал средний в когорте год рождения. Влияние же страны на ценности рассматривалось как случайный эффект на первом уровне, т.е. влияние стра-

² В России Европейское социальное исследование проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) при участии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Национальный координатор — к.п.н. А.В. Андрееenkova.

ны могло различаться в разных когортах, и это различающееся влияние объяснялось годом рождения респондентов.

Шесть постсоциалистических стран были представлены дамми-переменными, а контрольной группой выступали семь взятых вместе западно- и северо-европейских стран, и, таким образом, каждый из страновых коэффициентов демонстрировал отличие данной постсоциалистической страны от средней по семи западно- и северо-европейским странам. Предметом анализа в данной статье является показатель, характеризующий зависимость ценностной дистанции между представителями одной и той же когорты из постсоциалистических и старых капиталистических стран от среднего года рождения этой когорты (технически — это регрессионный коэффициент для интеракции между страной и годом рождения).

Данный показатель описывает, как меняется для каждой из постсоциалистических стран различие между ценностями ее жителей и их сверстниками из западно- и северо-европейских стран в зависимости от года рождения. Положительный коэффициент указывает на то, что для данной постсоциалистической страны разность между значением ценности у ее жителей и их западно- и северо-европейских сверстников выше для представителей более молодых поколений, а отрицательный — что, наоборот, эта разность выше для представителей более старших поколений. С учетом сформулированного выше допущения о равенстве эффектов жизненного пути в рассматриваемых странах данные коэффициенты можно интерпретировать как показатели относительных межпоколенных сдвигов в постсоциалистических странах.

В каждую из моделей в качестве контрольных переменных были включены также возраст и год опроса на индивидуальном уровне и прямой эффект года рождения на групповом уровне.

Результаты и их обсуждение

На рис. 2–5 отражены указанные регрессионные коэффициенты для всех ценностных индексов. Как видим, несмотря на различия по абсолютной величине, статистически значимые коэффициенты для каждой ценности имеют в разных постсоциалистических странах один и тот же знак (исключения касаются в основном Венгрии).

В большинстве рассматриваемых постсоциалистических стран молодые поколения, в сравнении с их западно- и северо-европейскими сверстниками, более привержены *самостоятельности, гедонизму и риску-новизне*, нежели

старшие поколения (в сравнении с их сверстниками). На это указывают положительные и статистически значимые коэффициенты регрессии (рис. 2)³.

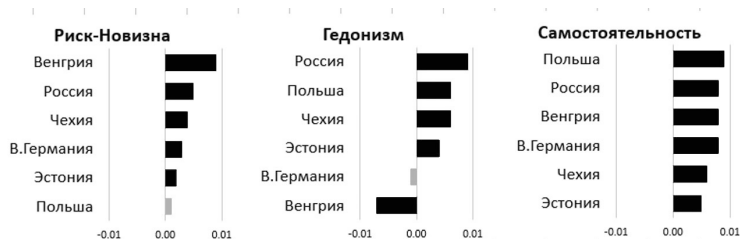

Рис. 2. Регрессионные коэффициенты, свидетельствующие о межпоколенной динамике ценностей открытости изменениям в постсоциалистических странах (здесь и далее черными столбиками помечены коэффициенты, статистически значимые при $p < 0,05$, серыми — незначимые, отсутствие столбика соответствует нулевому коэффициенту)

В теории ценностей Шварца ценностям открытости изменениям противостоят ценности сохранения, поэтому можно ожидать, что межпоколенная динамика ценностей сохранения будет противоположна динамике открытости.

Это ожидание наиболее устойчиво подтверждается для отдельных компонентов ценностей традиции и конформности (рис. 3). Так, во всех рассматриваемых постсоциалистических странах (кроме Восточной Германии) произошел статистически значимый сдвиг в сторону меньшей приверженности молодых поколений ценности скромности («Для него очень важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание»). Этот сдвиг — наибольший из всех по абсолютной величине. Для всех постсоциалистических стран характерны также статистически значимые коэффициенты, указывающие на межпоколенные сдвиги в отношении приверженности следованию правилам («Он убежден, что люди должны делать то, что им говорят. Он считает, что люди должны всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит»). Во всех странах, кроме Венгрии, сдвиги эти направлены в сторону ослабления приверженности данной ценности у молодежи.

В отношении ценностей безопасности межпоколенный сдвиг менее выражен и менее распространен. Все же в России, Эстонии и Чехии молодые

³ Чтобы облегчить изложение, мы в дальнейших описаниях не будем повторять, что речь идет о межпоколенных сдвигах не внутри отдельной страны, а о межпоколенных изменениях *межстрановых соотношений* ценностей.

поколения менее, чем старшие, озабочены защитой со стороны сильного государства, что соответствует нашему предположению о меньшей приверженности молодежи ценностям сохранения. Противоречит этому предположению сдвиг, наблюдаемый в Венгрии: в этой стране молодежь оказалась, наоборот, более озабочена своей безопасностью, нежели более старшие поколения.

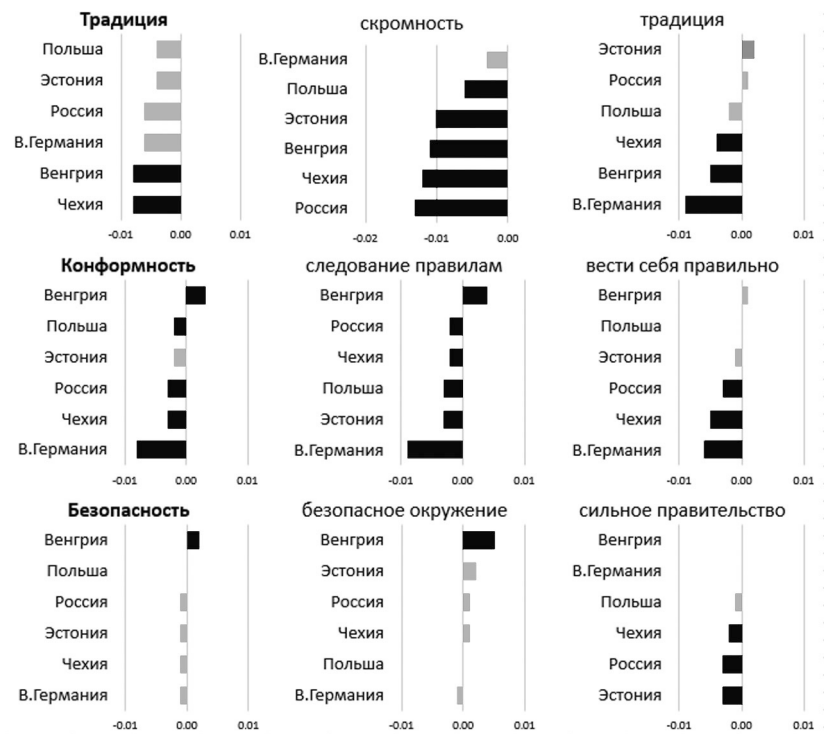

Рис. 3. Регрессионные коэффициенты, свидетельствующие о межпоколенной динамике ценностей сохранения в постсоциалистических странах (в каждом ряду слева приведены графики для ценностей традиции, конформности и безопасности, а справа — для их составляющих)

Межпоколенная динамика ценностей власти-богатства и достижения, относящихся к категории «самоутверждение», может показаться противоречивой или отсутствующей до тех пор, пока мы не обратимся к отдельным компонентам этих ценностей, которые дают, напротив, очень ясную картину

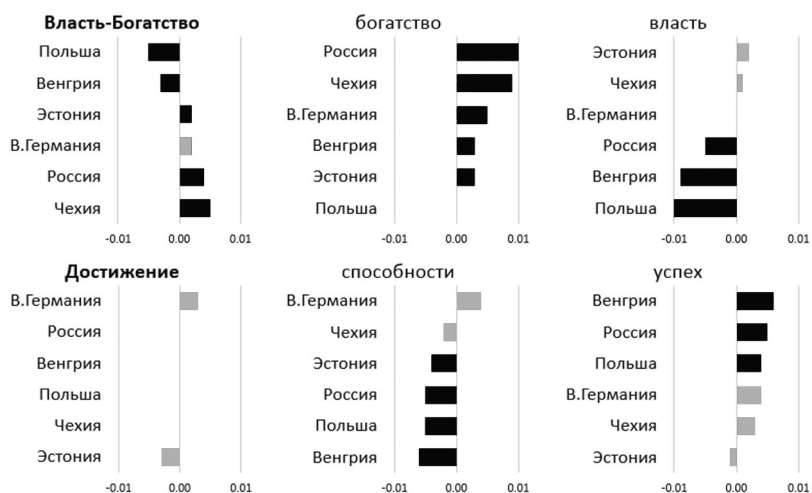

Рис. 4. Регрессионные коэффициенты, свидетельствующие о межпоколенной динамике ценностей самоутверждения в постсоциалистических странах (в каждом ряду слева приведены графики для ценностей власти-богатства и достижения, а справа — для их составляющих)

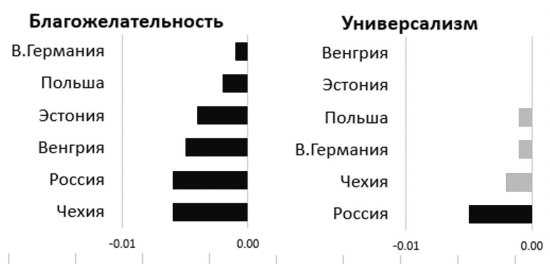

Рис. 5. Регрессионные коэффициенты, свидетельствующие о межпоколенной динамике ценностей заботы о людях и природе в постсоциалистических странах

ценностных сдвигов в постсоциалистических обществах (рис. 4). Из четырех составляющих этих ценностей молодежь в большей степени предпочитает «богатство» («Для него важно быть богатым. Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей») и «успех» («Для него очень важно быть очень успешным. Он надеется, что люди признают его достижения»), а более стар-

шие поколения — «власть» («Для него важно, чтобы его уважали. Он хочет, чтобы люди делали так, как он скажет») и «способности» («Для него важно показать свои способности. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает»). Указанные сдвиги характерны не для всех постсоциалистических стран, наиболее универсальным является повышение значимости для молодежи ценности богатства: оно характерно для всех стран, кроме Польши. Примечательно, что в России присутствуют все эти ценностные сдвиги.

Во всех постсоциалистических странах молодые поколения демонстрируют меньшую приверженность ценности благожелательности, относящейся к категории заботы о людях и природе, а в России также и меньшую приверженность ценности универсализма (рис. 5).

Обсуждение

Приведенные выше результаты подтверждают гипотезу о росте у молодых поколений постсоциалистических стран, в сравнении с более старшими, приверженности индивидуалистическим ценностям (речь идет об относительных показателях этих ценностей — по отношению к ценностям сверстников из западно- и североευропейских стран). На это указывают ценностные сдвиги в сторону самостоятельности, риска-новизны (что тоже связано с принятием нестандартных, самостоятельных решений), гедонизма, богатства (как компонента власти-богатства) и личного успеха (как компонента достижения). Обратим внимание, что этот сдвиг носит двойственный характер — усиливается значимость для молодежи постсоциалистических стран не только эгоистической (гедонизм, богатство, успех), но и инициативно-творческой (самостоятельность, готовность к риску) стороны индивидуализма.

Приведенные результаты подтверждают также гипотезу об уменьшении значимости социально ориентированных ценностей у молодых поколений постсоциалистических стран в сравнении с их более старшими соотечественниками (речь снова идет об относительных показателях этих ценностей — по отношению к ценностям сверстников из западно- и североευропейских стран). Два изменения этого рода, которые представлены во всех (или почти во всех) рассматриваемых странах, выражаются в ослаблении желания следовать правилам (компонент конформности) и проявлять благожелательность.

В нескольких постсоциалистических странах для молодежи характерна также меньшая значимость демонстрации своих способностей и получения признания окружающих (составляющая достижения), а также меньшее желание добиваться уважения и подчинения (компонент власти-богатства).

Эти ценности имеют явную эгоистическую окраску и должны бы, согласно нашим предположениям, наоборот, становиться более значимыми. Причина рассогласования состоит, видимо, в том, что в этих двух случаях удовлетворение человеком своих личных потребностей связано с сильной зависимостью от социального окружения. Молодые люди стремятся эту зависимость минимизировать, что побуждает их к отказу от соответствующих ценностей.

Наибольшие по абсолютной величине межпоколенные сдвиги выявлены почти для всех постсоциалистических стран применительно к скромности (она является составляющей ценности «традиция», рис. 2), сдвиги эти выражаются в снижении ее значимости у молодых поколений. Скромность — это соблюдение социальных запретов, ограничивающих любовь человека к самому себе, и приверженность скромности является равнодействующей двух ценностей — значимости для человека его собственного «Я» и значимости соблюдения упомянутых запретов. Таким образом, наиболее заметное снижение значимости у молодежи именно этой ценности подтверждает оба аспекта нашей гипотезы, которая предсказывает как рост индивидуалистических, так и снижение просоциальных ценностей молодежи.

В дальнейшем предстоит найти объяснение нарушению некоторых из описанных закономерностей в Венгрии.

Ограничения

Первое ограничение приведенных выше выводов связано с допущением о равенстве эффектов жизненного пути в постсоциалистических и западно- и североευропейских странах.

Второе ограничение связано с неопределенностью вклада в описанные поколенческие сдвиги изменений в постсоциалистических странах и в тех западно- и североευропейских странах, с которыми постсоциалистические страны сопоставляются. Как отмечалось на всем протяжении статьи, рассматриваемые регрессионные коэффициенты отражают межпоколенную динамику *относительных* ценностных показателей, которая включает межпоколенные изменения ценностей как в той или иной постсоциалистической стране (например, в России), так и в тех странах, с которыми осуществляются сравнения. В наших гипотезах и интерпретации мы фокусируем внимание только на одном из компонентов этих соотношений, который относится к изменениям, происходящим в постсоциалистических странах, и понятно, что он может взять на себя только часть необходимого объяснения.

В пользу того, что межпоколенные изменения в постсоциалистических странах действительно происходят, свидетельствуют межстрановые различия

в динамике упомянутых выше относительных ценностных показателей: ведь если бы все зависело только от изменений в ценностях референтной группы, т.е. в западно- и североевропейских странах, с которыми осуществляются сопоставления, то межпоколенные изменения во всех постсоциалистических странах были бы одинаковы.

Данное ограничение не является препятствием для выводов о *сравнительной* силе и направленности межпоколенных изменений в самих постсоциалистических странах: поскольку референтная (контрольная) группа, с которой сравниваются респонденты из разных постсоциалистических стран, постоянна, то она может быть «вынесена за скобки», и межпоколенные изменения ценностей в отдельных постсоциалистических странах могут сравниваться между собой.

Выводы

Наблюдаются межпоколенные ценностные сдвиги, универсальные по направленности для всех или большинства рассматриваемых постсоциалистических стран.

Полученные результаты в основном подтверждают гипотезу о том, что у молодых поколений почти всех постсоциалистических стран (в сравнении с их сверстниками из западно- и североевропейских стран) *сильнее*, чем у их более старших соотечественников (сравниваемых с их сверстниками из тех же стран), выражены различные индивидуалистические ценности — самостоятельность, гедонизм, богатство. Характерной для большинства постсоциалистических стран является и более *слабая* приверженность молодых поколений ценностям, в которых выражается забота о других людях или учет исходящих от других людей норм и оценок (ценности конформности, скромности и социально оцениваемых достижений).

Литература

Магун В.С., Руднев М.Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № 7—8.

Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. Кн. 3. С. 87—97.

Alwin D.F. Cohort Replacement and Parental Socialization Values // *Journal of Marriage and the Family*. 1990. Vol. 52. P. 347–360.

Halman L., Arts W. (Post-)modernization, Individualization and Individualism: Value Changes in Central and Eastern Europe in the First Decade after the Fall of the Iron Curtain // *Mapping Value Orientations in Central and Eastern Europe* / L. Halman, M.Voicu (eds.). Leiden: Brill, 2010. P. 11–45.

Horn G.-R., Kenney P. (eds.). *Transnational Moments of Change: Europe 1945, 1968, 1989*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2004.

Hox J. *Multilevel Analysis: Techniques and Applications*. 2nd ed. Routledge, 2010.

Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // *American Political Science Review*. 1971. Vol. 65. P. 991–1017.

Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1.

Inglehart R. Changing Values Among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008 (January – March). Vol. 31. No. 1–2. P. 130–146.

Inglehart R., Welzel Ch. *Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy* // *Perspectives on Politics*. 2010. March.

Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G. (eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons From the European Social Survey*. Sage, 2007.

Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press. 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S.H. Are There Universal Aspects in the Content and Structure of Values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. P. 19–45.

Schwartz S.H. Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences Across Nations // *Measuring Attitudes Cross-nationally. Lessons from European Social Survey* / R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (eds.). L.: Sage Publications, 2007. P. 169–201.

Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-cultural Replications // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. P. 878–891.

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. No. 5. P. 519–542.

Schwartz S.H. 2005. Human Values. European Social Survey EDUNET. <<http://essedunet.nsd.uib.no/cms/topics/1/>>